

Епанчинцев Роман Вячеславович

ОБРАЗ ДЕРЕВНИ В ПОВЕСТЯХ О. М. КУВАЕВА

В статье рассматривается образ деревни в двух повестях известного отечественного прозаика второй половины XX века О. М. Куваева. Дается описание специфических черт куваевской деревни, отмечается функция образа в раскрытии идейного содержания произведения. Выделен особый способ воплощения образа деревни - через изображение крестьянского дома. Сделан вывод о схожести трактовки образа деревни и ее обитателей Куваевым и представителями деревенской прозы 1960-1970-х годов, сравнивается образ деревни повестей Куваева с подобными образами его рассказов, близких по времени написания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 23-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-311

В статье рассматривается образ деревни в двух повестях известного отечественного прозаика второй половины XX века О. М. Куваева. Дается описание специфических черт куваевской деревни, отмечается функция образа в раскрытии идейного содержания произведения. Выделен особый способ воплощения образа деревни – через изображение крестьянского дома. Сделан вывод о схожести трактовки образа деревни и ее обитателей Куваевым и представителями деревенской прозы 1960-1970-х годов, сравнивается образ деревни повестей Куваева с подобными образами его рассказов, близких по времени написания.

Ключевые слова и фразы: О. М. Куваев; повесть; деревня; образ; город; урбанистическая цивилизация; патриархальные ценности.

Епанчинцев Роман Вячеславович, к. филол. н.

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
tenebre@rambler.ru

ОБРАЗ ДЕРЕВНИ В ПОВЕСТЯХ О. М. КУВАЕВА

Писатель Олег Михайлович Куваев (1934-1975) известен верностью теме Севера, его проза неоднократно сопоставлялась критиками и литературоведами с произведениями Джека Лондона, Бориса Горбатова. Сам Куваев соглашался с подобными сравнениями, скромно подчеркивая вторичность своих рассказов и повестей. Безусловно, Север – наиболее часто встречающийся в текстах Олега Куваева пространственный образ. Он обнаруживается в подавляющем большинстве рассказов и повестей, является основным местом действия и в двух романах прозаика: знаменитой «Территории» и «Правилах бегства». Однако в ряде рассказов, а также в двух повестях – «Печальные странствия Льва Бебенина» (написана в 1969 году, была включена в сборник «Каждый день как последний», изданный посмертно в 1976 году), «Дом для бродяг» (была создана в 1970 году, включена в уже упомянутый сборник) – можно выделить образ деревни. В нашей статье предпринята попытка анализа функций и особенностей воплощения этого образа в указанных текстах.

В «Печальных странствиях Льва Бебенина» представлена история музыканта, похитившего золотой самородок на руднике и скитающегося по регионам Советского Союза с целью его реализации на «черном рынке». В определенный момент действие переносится на территорию небольшой деревни Лужки, в которой герой скрывается от возможного преследования. Она изображена как пространство, где сохранились традиционные ценности, выработанные столетиями и бережно хранимые; это место, далекое от урбанистической цивилизации с ее погоней за успехом, деньгами. Потребительское, мещанское отношение к жизни неприемлемо для жителей этой деревни. Заметим: именно погоня за быстрыми деньгами, осуждение потребительской идеологии – основная идея произведения.

Главный герой повести, музыкант Лев Бебенин, воплощает человека – носителя негативных ценностей урбанистической цивилизации, он стремится к быстрому обогащению, не считаясь с моральной или юридической «чистотой» процесса. Бебенин проводит в деревне некоторое время, испытывая на себе воздействие пространства, а также влияние персонажа-наставника деда Корифея (тема духовного преображения вследствие влияния наставников и особой атмосферы пространства характерна для всей малой прозы Олега Куваева). Однако в повести полноценного духовного преображения не происходит. Главный герой слишком «привязан» к городскому образу жизни, его сомнительные нравственные ориентиры («легкая» жизнь, материальное богатство) стали неотъемлемой частью его личности.

В повести положительные идеалы и нравственное здоровье связаны с простой трудовой жизнью, коллективным началом, характерным для русского крестьянства. Принятие вышеперечисленного ведет к гармонии, тогда как существование, к которому стремится Бебенин, ведет к трагедии – что и происходит в конце повести.

Особое место в произведении отведено деду Корифею – носителю патриархального крестьянского мировоззрения.

Данный персонаж характеризуется как чудак. Бебенин наделяет его эпитетом «невероятный» («невероятный дед» [1, с. 491]). Живет он несколько обособленно – его дом стоит «на отшибе»: «вроде в деревне и вроде отдельно» [Там же, с. 492]). Поражает возраст этого персонажа: «На памяти всех живущих дед Корифей всегда был и всегда его звали так» [Там же].

Происхождение необычного прозвища деда следующее: когда-то Корифея поразили трагедии Софокла, томик которых случайно попал к нему. Он стал в обыденной жизни постоянно цитировать древние произведения, что и послужило поводом называть его предводителем античного хора. Стоит отметить, что второе значение данного слова – «выдающийся деятель в какой-либо области» [4, с. 272] – также применимо к этому персонажу.

Во-первых, работая всю жизнь пастухом, дед достиг фантастического мастерства в управлении коровами – ему достаточно было взглянуть на животное, чтобы оно его слушалось, его взгляд практически гипнотизировал стадо.

Во-вторых, понятие «деятельность» может быть понято как «жизнь». «Дед Корифей от природы был философ и познаватель миров. Профессия пастуха только углубила в нем это достоинство или недостаток. С годами он приобрел насмешку над миром, но не утратил ужасной вездливой любознательности к природе. <...> Будучи стихийным экзистенциалистом, он принимал людей такими, каковы они есть» [1, с. 492]. Дед не расспрашивает Бебенина, но понимает его проблемы, не случайно его взгляд сравнивается с лазерным

лучом – Корифей «просвечивает» человека насквозь. Отмечается и насмешливость данного персонажа, что является свидетельством мудрости, знаком постижения смысла бытия.

В чем выражается наставническая функция Корифея? В произведении присутствует вербальное поучение, которое получает Лев: «...мы, люди, вроде как рыбы. Любим блеск фальшивой игры и тем себя губим... Сказал и пронзительным глазком скопился в Бебенину сторону, лешачьей таинственной мудростью все понял, все угадал и даже усмехнулся, точно увидел в тумане грядущего муки и гибельный призрак поддельного счастья контрабасиста Бебенина» [Там же, с. 494].

Корифей выступает в данном эпизоде как провидец – он фактически предсказывает печальный конец Бебенина, пытается воздействовать на него, манифестируя губительность жадности денег. На какое-то мгновение слова Корифея влияют на Бебенина, его охватывают необъяснимые эмоции: «Беба тряхнул головой. Прошедшая минута провалилась куда-то, и не мог он понять, то ли он спал, то ли бредил, то ли причудилось что. Где-то в сердце остро торчала заноза, и гриппозной болью ломило суставы. Потом все это прошло» [Там же]. Иррациональное воздействие гипнотического взгляда, слов поучения наставника не привело к озарению (иррациональное озарение, спровоцированное поучением героя-наставника, обнаруживается в рассказах Олега Куваева «Через триста лет после радуги» и «Эй, Бако!», где похоже изображается столкновение носителя истинных ценностей, выработанных столетиями, с носителем ценностей современности): «Ничего не произошло. Глупое минутное наваждение» [Там же, с. 495].

Дед Корифей приглашает Бебенина на рыбалку. Он фактически пытается приобщить его к деревенскому, то есть традиционному, образу жизни.

И снова на какое-то время Бебенин поддается влиянию Корифея, других жителей деревни, атмосферы традиционного пространства. Он чувствует себя частью коллектива – простых крестьян, носителей патриархальных ценностей: «Через минуту он тоже орал простые слова. В этот миг он был членом племени, рода, семьи и кровь великих свершений горячо бежала по жилам. Кто-то хлопал его по плечу, и сам он обнимал кого-то» [Там же, с. 497]. Однако для героя остаются чуждыми ценности деревни, он покидает ее в поисках возможности продать слиток золота, что и должно привести его к богатой, «мотыльковой» жизни.

Схожую ситуацию можно обнаружить также в рассказе Куваева «Кто-то должен курлыкать» (написан в 1973 году, был включен в изданный посмертно сборник «Каждый день как последний»). В нем главный герой не способен обрести гармонию с самим собой, найти свое место в жизни. Он окружен людьми с потребительской психологией, мещанами, для которых степень уважительного отношения к человеку прямо пропорциональна размеру денежного дохода. Однако в отличие от рассматриваемой повести главный герой во время пребывания в деревне духовно преобразуется, освобождается от негативных ценностей современной цивилизации, в том числе вследствие общения с персонажем-наставником, старухой Евдокией. Он принимает решение связать свою жизнь с лесом, отдалиться от городской жизни. Однако в конце рассказа после возвращения в привычное окружение на территории города главный герой поддается его воздействию, принимает ценности потребительского общества.

В рассматриваемой повести присутствует еще один персонаж, являющийся воплощением патриархальных ценностей, – охотник и рыбак Кудуспай, которого убивает Бебенин в конце произведения, заподозрив в краже золота. Казах Кудуспай – честный труженик, привязанный к работе. Он продолжает дело своих предков, осознавая причастность к роду, родовому ремеслу. Вот что Кудуспай рассказывает о себе музыканту Бебенину: «– Я казах рода Кудай. Мы всегда были рыбаки и охотники. <...> Весь западный берег Арала я знаю как свою ладонь. Я и мой верблюд. Летом я рыбаку, зимой мы с верблюдом идем вдоль Усть-Урта. Там много моих землянок. Замыкаем мы круг на восточном берегу. Штук двести лисиц, штук десять волков – столько шкур сдает Кудуспай» [Там же, с. 518].

Он прямо противопоставлен Бебенину как человек, чья жизненная философия основана на принятии труда, понятого как потребность, что ведет к гармонии существования. Тот факт, что его убивает Бебенин, можно истолковывать как убийство носителем идеологии потребительства носителя ценностей традиционных.

Образ дома, ассоциируемого с патриархальными русскими (деревенскими) ценностями, встречается в эпизоде повести «Дом для бродяг». Это место жительства человека, освоившего Север, неизученные районы реки. К нему и таким, как он (первопроходцам Севера), относятся слова повествователя, характеризующие их как людей исключительных: «...люди высокой породы есть» [2, с. 15].

Покоритель Севера живет в доме, из которого «человек уезжает с трудом, чаще всего совсем не уезжает» [Там же]. Это жилище определяет «неповторимый уют, выработанный древней культурой русской деревни», который сочетается с «благоденствием охотничьей избушки, до которой ты добирался очень долго в большой мороз или плохую погоду» [Там же]. Мы видим идеальное с точки зрения повествователя жилище.

Можно сказать, что в повести «Дом для бродяг» образ деревни передается через образ деревенского дома.

Подобный образ находим в других произведениях Олега Куваева, например в рассказе «Утренние старики» (был написан в 1971 г., впервые напечатан в журнале «Вокруг света» в 1972 г., в прижизненные издания книг не включался). В этом произведении описан дом пожилого таджика Хокироха, он не столько место обитания, сколько концепт, как и дом в повести «Дом для бродяг». Он является олицетворением традиционной крестьянской культуры (но в данном случае таджикской).

Нельзя не отметить типологическое сходство трактовки образа деревни и крестьянского дома в произведениях Куваева и работах представителей «деревенской прозы». Мотив противопоставления городской цивилизации и деревни традиционен для писателей-«деревенщиков». Хранители вековых традиций, персонажи-наставники представлены в повестях и рассказах В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева и др.

Стоит указать на биографические истоки неприятия О. М. Куваевым потребительского мировоззрения. Для него был характерен максимализм, негативное отношение ко всему удобному, уютному, мещанскому. Бескомпромиссность по отношению к потребительству проходит через все творчество О. Куваева, характеризует писателя и в быту. Следующие высказывания исследователей подтверждают эту мысль: «Писатель понимал, что одна из “страшных сил”, которая проникает в нашу жизнь, – мещанский конформизм во всех его проявлениях. Преклонение перед престижем, “накопительство-приобретательство” и т.д. при жизни делают человека глухим, слепым и мертвым ко всему, кроме мечты о собственных “Жигулях” и даче» [3, с. 10]; «...он был неизменно враждебен суетности, инстинктивно противился всяким разговорам о мелочах быта, вообще о мелком, не общеинтересном» [5, с. 8].

Таким образом, в двух повестях О. М. Куваева мы находим образ деревни, схожий с тем, что обнаруживается в произведениях представителей деревенской прозы. Символическим содержанием наполняется и сама деревня, и крестьянский дом.

Список источников

1. Куваев О. М. Избранное: в 2-х т. М.: Мол. гвардия, 1988. Т. 1. 527 с.
2. Куваев О. М. Избранное: в 2-х т. М.: Мол. гвардия, 1988. Т. 2. 525 с.
3. Минин Н. А. Проза Олега Куваева: истоки, проблематика, поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1983. 18 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1973. 846 с.
5. Портреты, сделанные по памяти: жизнь и творчество писателей Крайнего Северо-Востока / сост. Л. И. Юрченко; вступ. ст. И. В. Осмоловской. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 126 с.

THE IMAGE OF THE VILLAGE IN STORIES BY O. M. KUAEV

Epanchintsev Roman Vyacheslavovich, Ph. D. in Philology
North-Eastern State University, Magadan
tenebre@rambler.ru

The article examines the image of the village in two stories by the famous Russian prose writer of the second half of the XX century O. M. Kuvaev. The description of the specific features of Kuvaev's village is given. The function of the image in revealing the idea content of the work is noted. The paper singles out a special way of realizing the image of the village – through the image of a peasant house. The conclusion is made that the interpretation of the image of the village and its inhabitants is similar to that of Kuvaev and the representatives of rural prose of the 1960s-70s. The author compares the image of the village of Kuvaev's stories with similar images of his stories close to the period of writing.

Key words and phrases: O. M. Kuvaev; story; village; image; town; urban civilization; patriarchal values.

УДК 8; 82.09

В статье делается попытка систематизировать взгляды критика и публициста Ю. И. Айхенвальда (1872-1928), касающиеся революции в целом и революции 1917 года в России. Прослежена эволюция данных воззрений в его статьях, проанализированы некрологи и мемуары, в которых затронута эта тема. Особое внимание в статье уделено книге Айхенвальда «Поэты и поэтессы», подробно проанализировано эссе «Гумилев». В конце статьи сделан вывод, что отношение Юлия Айхенвальда к революции менялось: от рецепции ее как долгожданного события в феврале 1917 года через активное неприятие захвата власти большевиками в 1918 году к яростной вражде против советской власти и большевистского режима к 1922 году.

Ключевые слова и фразы: критика; эмигрантика; русское зарубежье; Ю. И. Айхенвальд; революция 1917 года; периодика; «философский пароход».

Кочергина Ирина Владимировна, к. филол. н.
Школа № 57, г. Москва
irepismo@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА

Вопрос об отношении критика и публициста Юлия Исаевича Айхенвальда к революции затрагивался в последние десятилетия в ряде работ [12; 14; 27], однако воедино все материалы по этому вопросу собраны не были. Данная работа является попыткой обобщить уже известные данные и рассмотреть его суждения по этому поводу в публицистике и критике, а также некоторые биографические факты, не введенные до этого времени в научный оборот.

Как и многие в среде русской интеллигенции, с Февральской революцией 1917 года Юлий Исаевич Айхенвальд связывал большие надежды [3]. Можно сказать, что он отнесся к ней с воодушевлением, хотя уже тогда его настораживали многие процессы, происходившие в России. Тогда же он в книге «Свобода слова» писал: